

Глава 7. Зависть

Войдя на кухню, Е Ишу помог матери разжечь огонь. Подняв голову, он увидел, что волосы у неё снова перевязаны куском ткани.

— Мама, почему ты не носишь шпильку?

— Боюсь, бабушка увидит... И работаю, вдруг уроню, — смущённо улыбнулась Ши Пулю.

— Наоборот, ты должна её носить.

Увидев недоумение на лице матери, Е Ишу объяснил:

— Подумай сама, что за человек наша бабушка? Если ты не будешь носить шпильку, она, пока нас нет, заберёт её себе и скажет, что это её. И что ты тогда будешь делать? К тому же, Младшая тётушка целыми днями носит свои серебряные серьги и шпильку, и разве бабушка ей что-то говорит?

Ши Пулю знала, что свекровь относится к ней и к жене младшего брата по-разному. Когда сын так прямо сказал об этом, у неё лишь на мгновение защемило сердце. Но если она не будет носить шпильку, и свекровь действительно заберёт её, сказав, что это её... Она была на это способна. Тогда и деньги, и старания сына пропадут даром, а в доме снова начнутся ссоры.

Ши Пулю, встретив ободряющий взгляд сына, собралась с духом и, невольно сжав кулаки, будто приняв какое-то важное решение, сказала:

— Хорошо, я буду носить.

За завтраком Е Ишу решил поесть перед уходом в горы. Вся семья снова теснилась за маленьким квадратным столом. И хотя бабушка явно хотела, чтобы они, старшая ветвь, ели отдельно, Е Ишу упрямо не уходил. Место за столом означало статус в семье.

Обычно, садясь за стол, Ли Сынян начинала ворчать, что слишком тесно. Но не предлагала сделать новый стол, а лишь сверлила взглядом его родителей. Но сегодня за столом царила необычная тишина.

Ли Сынян с первого взгляда заметила серебряную шпильку в волосах Ши Пулю. Новая, блестящая, она вызвала у неё острое раздражение. Вчера она уже сорвала маску, и сегодня не стала скрывать своих чувств, глядя на его мать как на врага.

Атмосфера была гнетущей, и его мать, на которую был направлен этот взгляд, съёжилась. Ли Сынян молчала, но Младшая тётушка, не выдержав зависти при виде шпильки, язвительно

проговорила:

— А я и не видела у тебя, невестка, такой шпильки. Простая такая, без узоров... Почему не купила с резьбой?

Цзинь Лань была дочерью туншэна, и её положение в семье Е было не последним. Если бы кто-то из их, старшей ветви, открыл рот за столом, дед бы тут же его оборвал. Но Цзинь Лань он ничего не скажет.

Е Ишу знал, что этот завтрак не будет спокойным.

— Тётя, сегодня у моей матери день рождения. Что плохого в том, что я, накопив немного денег, купил ей в подарок шпильку? Или вы считаете, что я, как сын, не должен этого делать?

Цзинь Лань и не вспомнила бы о дне рождения Ши Пулю. Улыбка на её лице застыла. Но, услышав слова Е Ишу, она всё равно не успокоилась.

— Ты тоже хорош. Не ведёшь хозяйство — не знаешь цену дровам и рису. С трудом накопленные деньги так сразу потратил. Почему же ты раньше не проявлял такого почтения к дедушке и бабушке?

— Потому что дедушка с бабушкой не нуждаются в моих грошах, — ответил Е Ишу. — Не то что дядя, который сразу просит двадцать лянов.

Видя, что Младшая тётушка собирается возразить, Е Ишу дружелюбно улыбнулся, но Цзинь Лань почувствовала в этой улыбке угрозу.

— Я помню, дядя тоже купил прекрасную шпильку с цветами персика, гораздо дороже моей. Дядя ведь говорил, что это для тёти? Что же вы, тётя, такую красивую вещь не носите?

Цзинь Лань сначала обрадовалась, но, повернувшись и увидев натянутую улыбку мужа, почувствовала, как у неё ёкнуло сердце. Сидевшие во главе стола Е Кайлян и Ли Сынян тоже посмотрели на своего сына. Вчера он говорил им, что у него нет денег и ему нужны средства на бизнес.

Назревало представление. Е Ишу ободряюще похлопал мать по спине и замолчал.

Но Е Чжэнсун был любимцем родителей, мастером сладких речей.

— Я купил шпильку с цветами персика, — тут же нашёлся он, — но, купив, подумал о том, как тяжело родителям вести хозяйство...

Цзинь Лань, которая действительно поверила, что муж купил шпильку для неё, с болью в сердце услышала, что он её вернул. Но тут он продолжил:

— Я ведь всё для семьи, чтобы родители и жена жили лучше. Поэтому я и вложил эти деньги в дело. Папа, мама, мой друг говорит, что нужно как минимум десять лянов. Мои четыре ляна — это лишь залог. Если не собрать десять, нам не дадут долю.

— И что же это за дело, что так много денег приносит? — вдруг спросил Доумяо, оторвавшись от еды.

Е Чжэнсун запнулся, но тут же нашёлся:

— Ты, малыш, что в этом понимаешь? Это торговый караван, что на север ходит. За одну поездку с мехами можно тысячи лянов заработать.

— Тысячи лянов! — ахнули старики.

Е Ишу усмехнулся. «Соображает быстро, но сказки рассказывает... неправдоподобные».

— У нас капитал маленький, — с жаром продолжал Е Чжэнсун. — Вложив десять-двадцать лянов, мы сможем лишь крошки со стола собрать. Но даже так, заработать пятьдесят лянов вместо ста — вполне реально.

— Пятьдесят лянов — это так мало... — пробормотала Ли Сынян.

Е Ишу мысленно хмыкнул. Они и вправду возомнили себя богачами. На пятьдесят лянов можно построить дом из синего кирпича. Услышав цифру, она решила, что у неё действительно есть такие деньги. Не зря она его бабушка.

Но слова дяди были весьма убедительны. На фоне тысяч лянов его десять-двадцать казались мелочью. Е Ишу прикинул, что бабушка, скорее всего, даст ему денег. Вопрос лишь в том, сколько. Эта парочка всё ещё ждала, что их младший сын приведёт их к богатству. Но то, что они готовы были дать ему денег, это одно. А то, что они так открыто показывали свою предвзятость перед их, старшей ветвью, — это уже было слишком.

Е Ишу усмехнулся и, помахав рукой перед лицами стариков, тут же преобразился в наглого разбойника.

— Дедушка, бабушка, раз дяде нужны деньги, то и моему отцу тоже.

— Ты! Пошёл вон! — Ли Сынян выпалила это, не подумав. Е Кайлян даже не взглянул на Е Ишу. Они привыкли защищать своего младшенького. Не только потому, что он умел

подлизаться и был красив. Просто старший сын с детства был послушным, и его послушание стало восприниматься как должное. И теперь его дед и бабушка считали свою предвзятость чем-то нормальным и справедливым.

Этот завтрак так и не принёс дяде желаемого результата. Но после еды недовольная Младшая тётушка затащила дядю в комнату, видимо, чтобы поговорить о шпильке. Ему было всё равно. Он увёл родителей, оставив на столе грязную посуду.

Перед уходом в горы он ещё раз напомнил родителям быть осторожными с дядей и его семьёй, а затем, собрав вещи, ушёл. Вскоре после его ухода в западной пристройке разразился скандал. Дядя выбежал из дома и исчез. Ли Сынян, прибежав, увидела во дворе Е Чжэнкуня, который сушил рис.

— Твой брат убежал, а ты не идёшь его догонять! — накинулась она на него, уперев руки в бока.

— Мама, но рис... — тихо возразил Е Чжэнкунь.

— Потом сделаешь, нельзя! — рявкнула Ли Сынян. Увидев в восточной пристройке Ши Пулю, которая шила, она ещё больше разозлилась и с силой пнула мешок с рисом, отчего сморщилась от боли. Но, сохранив лицо, она, нахмурившись, ушла в свою комнату.

Е Чжэнкунь вздохнул и послушно пошёл на улицу. Не успел он далеко отойти от двора, как ему навстречу попала пожилая женщина с корзиной.

— Чжэнкунь, — остановился он. — Вторая тётя.

— А, Чжэнкунь. Я как раз к вам шла.

Пожилая женщина была женой второго двоюродного деда, звали её Ван Юся. Она была всего на пять лет старше Ли Сынян, но волосы её были уже седыми. Когда-то, когда родители мужа были живы, ей и её невестке жилось несладко. А младшая невестка, то есть бабушка Е Ишу, Ли Сынян, жила припеваючи, как сегодня Цзинь Лань, — в праздности и удовольствиях. Поэтому Ван Юся никогда не ладила с Ли Сынян.

Она сначала заглянула во двор семьи Е, а затем, оттащив Е Чжэнкуня в сторону, тихо спросила:

— Братец Шу дома?

Е Чжэнкунь покачал головой.

— А-Шу ушёл в горы.

Ван Юся кивнула, сняла с корзины покрывало и достала пару длинных кожаных сапог и шарф из кроличьего меха.

— Это ты тайком отнеси домой. Невестка брата Шуня ему сшила, — сказала она. Морщинки в уголках её глаз были глубокими — она была человеком улыбчивым.

— Что вы, не стоит, — замахал руками Е Чжэнкунь, не решаясь взять.

— Бери, — посерьёзнела старушка. — Твой братец Шу — хороший парень. Сапоги ему в горах пригодятся, а шарф мы сделали из шкуры кролика, которого он нам принёс. Мы только нитки да работу вложили.

— Но, вторая тётя...

— Не будь как баба. Это не тебе, а нашему братцу Шу.

Ван Юся всегда считала, что старший сын — хороший человек, но характер у него слабый. Нерешительный, не может быть главой семьи. Во всём слушается Ли Сынян, как вол. Она таких не любила. А вот братец Шу ей нравился.

— Ты спрячь хорошенько, чтобы твоя мать не забрала. Я это для А-Шу делала.

Сказав это, старушка поспешила прочь. Если бы не подарок для А-Шу, она бы и не пошла в дом третьего брата Е.

Е Чжэнкунь застыл на месте, прижимая к себе вещи. Мать запрещала им общаться с семьями старших дядей, но они раньше были к нему добры. Узнав, что сын поддерживает с ними связь, Е Чжэнкунь почувствовал облегчение.

Он провёл своей грубой рукой по мягкому кроличьему меху и добротным швам на сапогах и подумал: «Надо бы набрать побольше шкур, чтобы жена сшила ещё. В горах много змей и насекомых, это будет хорошей защитой».

Е Чжэнкунь тихонько вернулся домой, спрятал вещи, а затем снова, как старый вол, принялся под палящим утренним солнцем раскладывать рис для просушки.

***

В деревне Сялинь было мало чего, кроме деревьев. Густые леса занимали огромные горные

пространства. Из-за этого в деревне было мало земли. Когда семья Ши несколько десятилетий назад переехала сюда, свободной земли для них уже не нашлось. Чтобы заниматься земледелием, нужно было либо расчищать целину, либо ждать, пока кто-нибудь продаст свой надел.

У семьи Е земли было немало, больше двадцати му. И поля, и горные участки были плодородными. Всё это было благодаря тому, что дед Е Ишу был младшим сыном и любимцем. Поэтому при разделе наследства ему досталось всё лучшее. А старшим братьям пришлось довольствоваться остатками.

Из-за того некрасивого раздела семьи почти перестали общаться. Лишь старшая ветвь время от времени поддерживала отношения, а потом и Е Ишу стал чаще навещать их, и они снова сблизились. Но Ли Сынян об этом не знала.

<http://bllate.org/book/13660/1581959>